

Мне надо было все знать об Ахматовой

«Она постоянно в полете между землей и небесами», — сказал однажды Роман Виктюк об Алле ДЕМИДОВОЙ. И в подтверждение этих слов — новая, шестая книга Демидовой «Ахматовские зеркала». Это ее толкование «Поэмы без героя» — строка за строкой. Актриса уже несколько лет читает ее со сцены, делает это и сегодня в Большом зале Московской консерватории. Она напоминает нам многие забытые имена Серебряного века, стихи и малоизвестные факты биографии Ахматовой, удивительные любовные интриги времени. Гостиная Аллы Сергеевны — в четыре окна, уставленные пышно растущими комнатными растениями, — словно из того самого Серебряного века. Несколько маленьких столиков с абжурами над ними и старинными креслами или диванчиками. Стены увешаны картинами, написанными самой хозяйкой и подаренными гостями. Повсюду книги и красивые миниатюры. Резвятся рыжий кот Миша и знаменитый пекинес Микки, снявшийся со своей хозяйкой у Киры Муратовой в «Настройщике» и ездивший с ней на кинофестивали.

— Алла Сергеевна, вы пропустили через себя каждое слово Ахматовой, и я еще яснее понимаю, отчего так сильно прозвучал в Новой Опере ваш вечер с Евгением Колобовым, посвященный «Поэме без героя»?

— Колобов есть Колобов. Уникальный дирижер. Но, кстати, как мне тогда показалось, не очень точно был выбран Шостакович. Когда мы репетировали в комнате, это было гениально. Абсолютно точное слияние слова и музыки. А когда перешли на сцену, то поняла, что некоторый разрыв все же произошел. Я была на сцене одна, а Колобов с оркестром в яме, тогда и возник этот разрыв. Шостакович и музыка ахматовской поэзии не совсем совпадали. И думаю вот почему. Ахматова пишет:

*И со мною моя "Седьмая",
Полумертвая и немая,
Рот ее сведен и открыт,
Словно рот трагической маски...*

Она имела в виду, конечно, не Седьмую симфонию Шостаковича. Она говорила о своей «Седьмой», еще не изданной книге, куда хотела включить и «Реквием», и «Поэму без героя», и «Северные элегии». Вспомните:

*Меня, как реку,
Суровая эпоха повернула.
Мне подменили жизнь.
В другое русло,
Мимо другого потекла она,
И я своих не знаю берегов.*

— Когда вы стали работать над «Поэмой»?

— Еще в середине 70-х годов. Мы репетировали ее с Дмитрием Покровским. Это был совсем другой проект. Я всегда понимала, что «Поэму» должна сопровождать не просто музыка, а какие-то странные звуки. Митя находил для них не виданные еще мною народные инструменты. Я тогда впервые услышала варган, и его странное, режущее звучание мне очень понравилось. А Колобов нашел на вибратоне звук, который музыкально повторял «А.А.А.» — первые буквы имени, отчества и фамилии Анны Андреевны Ахматовой. Можно вспомнить Иосифа Бродского, который писал: «По существу же, — это страшный крик./ Младенческий, прискорбный и смертельный». С этого странного и тянущегося звука начинался наш вечер, им и заканчивался.

— Особая строфа «Поэмы» нуждается и в особой музыке?

— Думаю, она соединяется со мно-

гими музыкальными направлениями. Сейчас готовлю ее исполнение в Большом зале консерватории с дирижером Алексеем Пузаковым, Свято-Никольским хором Третьяковской галереи, будет звучать и орган. Есть музыка к «Поэме без героя» Артура Лурье, посвятившего ее Ольге Судейкиной — одной из основных героинь ахматовского триптиха. Партитуры этой, к сожалению, нет в Москве. Я попросила своих американских знакомых найти ее. Есть и музыка к «Поэме» Козловского, посланного к женой в Ташкент, где в эвакуации жила Ахматова. Один Новый год супруги встречали там с Ахматовой. Как вспоминала жена Козловского, у ее мужа с Анной Андреевной было «более близкое касание душ, нежели просто дружеское». В ту ночь не было электрического света. На столе горела свеча. Она отбрасывала на стену тень ахматовского профиля. Его Козловский и очертил углем на белой стене. Этот дивный абрис так там и остался.

— Вы хотите сказать, что ахматовская поэзия отражает реальные события?

— Именно так. Все творчество Анны Андреевны — как слепок жизни ее самой и окружавших ее людей. Англичанка Аманда Хейт, автор, на мой взгляд, самой достойной биографии Ахматовой, писала ее как раз по стихам.

— Однако «Поэма» явно нуждалась в расшифровке.

— Ну конечно. Недаром Анна Андреевна все время отсылает читателя в Белый зеркальный зал шереметевского Фонтанного дома, где 27 зеркал отражаются друг в друге. В этом волшебном зазеркалье все дублируется, десятикратно, одно наслаивается на другое, там нет конкретных дат и времени. Излюбленные приемы Ахматовой — эхо, отражение, двойники. «Поэма без героя», по сути, странное, мистическое произведение, в котором Ахматова, как пушкинская дама Пик, уводит нас в иррациональные подвалы памяти.

Одно посвящение она адресует Всеволоду Князеву. Но на самом деле там проглядываются и Гумилев, и Мандельштам, и Кузмин, и многие другие. «Я на твоём пишу черновике», — замечает она. Это еще как бы и присвоение поэтической культуры и XIX, и XX веков.

Когда я поняла, что не так все про-

А. Демидова

сто в ахматовских строчках, причем любых, даже, казалось бы, самых ясных, меня полотил сам процесс разгадывания «Поэмы». И я стала в те самые 70-е годы свои размышления записывать в тетради. Пришло время, я попросила набрать свои записи на компьютере, поскольку сама этого делать не умею.

— Связывались ли с издателем?

— Да. Отдала рукопись в одно издательство. Вскоре мне позвонили и спросили: а какому ахматоведу это дать на рецензию? Я ответила, что не лезу в науку, у меня совсем другой язык и другие обобщения. И забрала рукопись. Мне посоветовали послать ее еще одному известному издателю. «Кому, Алла, сейчас интересна Ахматова, кто это будет покупать? Я с удовольствием издал бы ваши дневники, актерские байки», — услышала от него. И снова забрала рукопись. Но, как человек довольно ленивый, впрочем, как и многие актеры, я больше к издателям не обращалась.

— Как же случилось, что «Ахматовские зеркала» напечатали?

— Я дружу с Маквалой Касрашвили. К ее знакомому как-то из Тбилиси приехала тетя. Она очень хорошо гадает на картах и кофейной гуще. Собирались все родственники, друзья, и началось грузинское застолье. Где-то в полночь мы уединились с тетей, и она начала мне гадать. «Алла, — говорит она, — у вас сейчас какие-то важные затруднения, но, если бы не ночь, я бы сказала, что все решится сейчас, скорее же всего — утром». Я слушаю вполуха, поскольку сомневаюсь, что это вообще решится, так как

рукопись лежит давно, никем не востребованная, и даже мною. А в это время кто-то еще пришел в дом. Новая пара включилась в общее застолье. Мужчина оказался поклонником ранней Таганки. Он обрадовался мне. Стал вспоминать актеров, которых я даже забыла. Потом сама спросила: «А чем вы занимаетесь?» — «Я издатель. Александр Вайнштейн!» И тут я говорю, что у меня есть рукопись. «Какая?» И я рассказываю... Он заинтересовался и предложил ее издать. Но я сказала Александру Львовичу, что у меня есть условие: поскольку первые пять книг я печатала бесплатно, то хотела бы за шестую иметь такую-то сумму. «По рукам», — согласился он... Утром я принесла ему свою рукопись, а он вручил мне конверт...

Александр Львович пригласил хорошего художника — Алексея Ганушкина. Все фотографии и шаржи я подобрала сама. Цветные коллажи на разворотах сделаны из моих вещей. Правда, мне жалко, что тираж — всего 500 экземпляров. Я-то была убеждена, что книгу будут покупать, поскольку знала, что про Ахматову в магазинах ничего нет. Про Цветаеву, напротив, много. Два года назад был открыт, к счастью, ее архив, и сейчас изданы и ее записные книжки, и уникальный дневник Мура, а это произведение чтения. Материалов об Ахматовой мало. Собрать их надо по крупицам и много-много лет. У меня же накопилась целая библиотека, поскольку я давно собираю книги поэтов и литературу о них. Я все через себя пропускаю, и получила «Ахматовские зеркала».

Недавно я читала «Поэму без героя» в Нью-Йорке. Мне рассказали, что кто-то пришел в зал с моей книжкой «Ахматовские зеркала», присланной из Москвы. И люди буквально вырывали ее друг у друга. Интерес к Ахматовой, конечно же, огромный.

— Думаете о переиздании книги?

— Да. Начала даже дорабатывать ее. Конечно, книгу непросто читать: слишком много информации. Мои разрозненные комментарии, как и сама «Поэма», кружат, раз за разом уточняясь. А многое я еще и не расшифровала. Думала, что если это знаю я, то знают и другие. Оказалось, что не так. И сейчас вклеиваю в книгу странички с добавлениями.

— Как-то вы говорили, что вам надо все знать об Ахматовой, что она для вас как фантом. Анна Андреевна вас отпустила?

— Все не так сложно. Дело в том, что я человек любопытный. Недаром мне и Ванга говорила, что я выбрала не свою профессию, что мне надо было заниматься чем-то исследовательским... Наверное, она права. В свое время я была влюблена в Пушкина. И перелопатила все о Пушкине. Я знала буквально каждый его день, каждую его реакцию на то или другое... Знала все и о Блоке. После смерти Высоцкого, когда я писала о нем книжку, тоже знала про него все. Когда два года работали с Виктюком над «Федрой», то жила Цветаевой. Вот такие мои влюбленности. Могла бы написать книги и о любимых ролях — Раневской, о Гамлете. Знаю все про Чехова. Но, заметьте, я никогда не ссылаюсь на какие-либо источники. Никогда не запоминаю, у кого беру знания. Я их присваиваю. И это мое актерское право. Сначала все укладывается в сознании, потом, со временем, все забывается и работает уже в подсознании.

— Когда-нибудь встречались с Ахматовой?

— Нет. Я была тогда другой. Конечно, возможности были, но я ими не воспользовалась. Сейчас считаю это дуростью. Когда снималась в фильме «Дневные звезды», не захотела встретиться с Ольгой Федоровной Берггольц. Возможно, это подсказала мне интуиция — иначе я бы играла ее слишком конкретно.

— Вы пишете, что в одном из зеркал «Поэмы» обязательно мелькнет и сама Анна Андреевна. А теперь, когда я перечитываю «Поэму» вашими глазами, стала вдруг видеть в этих зеркалах и вас, Алла Сергеевна.

— Не стоит об этом говорить. Но вот что удивительно. По странной случайности у меня дома оказалось зеркало, перед которым гримировалась Параша Жемчугова. Оно досталось мне в наследство от Раисы Моисеевны Беньяш вместе с маленьким уникальным барельефом с изображением Ахматовой, подаренным ей самой Анной Андреевной после Ташкента, где они одно время дружили. Барельеф читатели могут увидеть на первом развороте книги, рядом с портретом Ахматовой. У меня также осталось несколько фотографий, подписанных Анной Андреевной, и маленькая «Anno Domini» первого выпуска с автографом автора. Все это попало ко мне, когда я еще не занималась вплотную Ахматовой.

— Вы говорите, что актерская профессия — это человековедение. Как вы думаете, отчего при таком высоком даре такая неустроенная личная жизнь Анны Андреевны, ее постоянная бездомность, по сути, — это жизнь «в людях»?

— Думаю, у Цветаевой жизнь трагичнее. Видимо, любой дар — как наказание. Ему служить надо. А что касается бездомности, то это и судьба Ахматовой, и ее намерение. Она с детства не хотела заниматься бытом. Как-то ей предлагали одну комнату, но она отказалась, удивившись при этом, что она будет в очередь мыть туалет... Рядом с такими огромными талантами всегда живут поклонники. Они готовы безответно служить своему кумиру. Анна Андреевна подпускала их к себе. А Цветаева — нет.

— Знаю, что и вы не подпускаете к себе никого.

— Верно. Никогда и никого. Все зависит от характера.

— Анна Андреевна, по вашим словам, редактировала свою жизнь, и для нее было характерно мифотворчество. А вы редактируете свою?

— У меня нет такой надобности. Но о каких-то вещах я никогда не говорю и не скажу.

— Меня, признаться, заинтриговали последние слова вашей книги: «... и потом я еще хотела...». Если не секрет, что же вы хотели?

— Это скорее полуцитата самой Анны Андреевны. Последние слова из ее «Письма к N. N.», где она говорит о «Поэме»: «Но... я замечала, что письмо мое длиннее, чем ему следует быть, а мне еще надо...»

— Анна Андреевна как-то сказала, что «Поэме» близок кинематографический язык. Нет ли планов сделать что-то и в кино?

— Недавно мне позвонил с телевидения один режиссер и предложил быть комментатором фильма про «Поэму без героя». Я отказалась. Уже по разговору поняла, что он не готов к этой работе.

— Ахматова, как вы пишете, говорила, что ей «Поэму» кто-то «продиктовал». И добавляете ее слова: «Особенно меня убеждает в этом та демонская легкость, с которой я писала «Поэму»: редчайшие рифмы просто висели на кончике карандаша, сложные повороты сами выступали из бумаги». У вас такое бывает?

— Конечно. Впрочем, все музыканты, поэты и прозаики говорят, что когда приходит вдохновение, то кто-то словно диктует им, и работа идет как бы сама собой. Ахматова почти не имела черновиков.

— Анна Андреевна интересовалась физическими теориями. Не она ли повлияла на Льва Гумилева в создании теории пассионарности?

— Нет. Лев Николаевич услышал об этой теории в лагере от немецкого ученого. Они жили бок о бок и много разговаривали. Лев Николаевич потом все это осмыслил и опубликовал. Мне нравится его формула: «Удар хлыстом из космоса»... Конечно, от человека мало что зависит.

— Есть, как вы знаете, и другое понятие. Околосемное космическое информационное поле. К нему

человек подключается в силу своего дара, особенного устройства души и нервной системы.

— Об этом еще в начале XX века написал очень ясно Выготский. Он считал, что любое знание, любая культура существуют над нами. Все мы говорим о корнях культуры. Но они над нами — как в куполе, над нашей землей, а не в самой земле.

— Как вы смотрите на начало XXI столетия? Не повторится ли Серебряный век?

— Кто знает? Но, действительно, опыт человечества учит, что все идет волнами. Два столетия тому назад был золотой век поэзии. Но в 27-м году душа Пушкина уже тянется к «презренной прозе». Пишет ее и Лермонтов. Появляется Юголь. И вдруг происходит настоящий обвал поэзии. Были, конечно, и поэты — Фет, Майков, Полонский, Тютчев... Особенно выделялся Некрасов: он придумал свою строфу. А своя строфа в поэзии дорогого стоит. Даже Ахматова воспользовалась в «Поэме» цветавской. К концу 90-х годов многие прозаики стали писать стихи. Бунин, Ипполит, одно есть даже у Чехова. XX век дал Блока. Свежие ритмы, свежие образы. И началась новая волна поэзии. Серебряный век. В 60-е годы новый всплеск поэзии... Но не думаю, что сейчас пойдет волна крупных писателей. Появится какой-то новый жанр.

— Откуда у вас такое ощущение?

— К концу XX века рванула вперед техника. Подумать только, американцы сняли фильм, где играет Лоуренс Оливье, давно ушедший в мир иной. И это не восстановленная фотография актера и не марионетка. Это играет сам актер. Как они это сделали, не знаю. Компьютер открыл новые возможности техники изображения. Я видела в Париже фильм про Французскую революцию. И поразила: а откуда его создатели взяли эти булыжники на улицах, эти удивительные дома? Как оказалось, они использовали в интерьерах и экстерьерах старинные картины и гравюры.

— А как в театре?

— Театр всегда жил особняком. Он умирал, но проходило время, появлялись новые имена и новые формы, и он возрождался, как птица Феникс. Его развитие тоже идет какими-то волнами, опять же связанными с определенными культурными всплесками.

— Каковы ваши театральные планы?

— До Нового года пройдет несколько поэтических вечеров в Москве. В третий раз поеду с одним из них в Петербург. Вернусь туда, наверное, в январе и сыграю «Гамлет-урок» в Петербурге. Его режиссер Терзопулос уже прислал костюмы. Он хочет в феврале снова работать со мной над древнегреческими плачами. Это последние монологи всех женщин Софокла. Однако у меня вызывают сомнения сами переводы. И еще мы не до конца распрощались с Анатолием Васильевым. Работаем с ним над спектаклем «Сны о «Вишневом саде»».

Беседу вела
Лидия НОВИКОВА
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ